

18 СЕН 1988

ЦИРК

«ВНИМАНИЕ! АП!»

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ПОЛЕТ ПОД КУПОЛОМ

ГДЕ-ТО гремит оркестр, слышатся аплодисменты, а здесь тихо, сосредоточенно работает врач. Предполетный контроль. Самочувствие? Давление? Пульс? Все в порядке, медицинских противопоказаний нет. Но это еще не все. Последнее слово — за руководителем номера Анатолием Бредой. Каждый раз, перед выходом на арену, он делает инструктаж своей маленькой отважной группе. Так заведено по технике безопасности. И не случайно...

— Космический полет, — объявляет инспектор манежа.

Гаснет свет, таинственно звучит электронная музыка, и откуда-то сверху, из боковых проходов, медленно выплывают, словно в невесомости, фигуры в голубоватых фосфоресцирующих костюмах. Они движутся к центру купола, потом занимают свои места на трапециях. Их семеро, под ними высота почти в двадцать метров, а внизу — никакой сетки. Внизу — манеж.

И вот тут-то все начинается. Двойное и тройное сальто, пируэты, синхронный парный полет, трюки самой высшей сложности. Напряженная тишина, тысяча пар глаз с восхищением и тревогой следят за этим необыкновенным воздушным спектаклем. Кажется, артисты работают без всяких средств безопасности. И это в полной темноте!

...Мой собеседник Анатолий Бреда. Он уже в обычном костюме, в нерабочей обстановке, и нам никто не мешает поговорить спокойно.

— Все начинается со слова

«ап!» — улыбается Анатолий Анатольевич, и в его красивых глазах вспыхивают озорные искорки.

— Признаться, мне страшновато было за вас, ведь вы даже не видите в лицо друг друга. Как же ориентируетесь там, на высоте? А если партнер ошибается, если вдруг падение? Что тогда?

Наверное, я засыпал вопросами своего собеседника. Но Бреда терпеливо слушает. Потом начинает рассказывать:

— Любой трюк отрабатывается сначала на репетициях при свете. Затем начинаются тренировки падений. Сетки у нас нет, но каждый артист работает со страховым поясом, который крепится к лонже — такому тонкому тросу с амортизаторами. Падения бывают, хотя крайне редко, при этом артист испытывает большие перегрузки. Происходит как бы динамический удар по корпусу человека, пояс спасает, но в то же время он может нанести тяжелую травму, вплоть до перелома ребер. Если кто-то сорвался во время трюка, то он должен уметь воспринять этот удар. Это отрабатывается при свете, а уже потом начинаются репетиции в темноте. Тут, конечно, все намного усложняется. Мы видим только силуэты друг друга, но интуитивно чувствуем поведение партнера, понимаем его малейший жест, ощущаем его состояние. Это не выразить словами, это дают годы работы. И чувствуем огромную коллективную ответственности. За жизнь каждого, за успех аттракциона.

— А вы лично, давно выс-

тупаете в цирке?

— С детских лет. Сначала был учеником в труппе моего отца — заслуженного артиста Молдавской ССР Анатолия Николаевича Бреды. Кстати, он впервые в 1962 году поставил в нашей стране этот номер — полет без сетки. Но официальный, так сказать, мой дебют как артиста состоялся в 1967 году в Лейпциге, где мы гастролировали. Тогда в этом номере выступали и моя сестра Маргарита, и мама — Любовь Васильевна Бреда. Между прочим, ей не очень везло, она дважды падала, дважды месяцами лежала в больницах с переломом позвоночника и дважды возвращалась в цирк...

Какая трудная и героическая судьба артистки, подумалось мне.

— А у вас были неудачи?

— Да, однажды, я столкнулся в воздухе с партнером, разбил челюсть. Лежал в больнице, и думал: скорее бы на манеж...

В начале 80-х годов Анатолий Николаевич Бреда ушел на отдых, его дело теперь продолжает сын. За это время их семейный номер стал еще более головокружительным и захватывающим, в нем появилось немало новых опасных трюков. Стоять на месте нельзя — этого требует профессия циркового артиста, профессия риска.

И вот он поднимается под купол во главе своей отважной «семерки» — Анатолий Бреда. И тихо говорит:

— Внимание! Ап!

Что означает — начали!

Г. РОТЧЕВ.